

Се Синьцзянь промедлил лишь мгновение, прежде чем вбить в поле ввода краткое: «Хорошо».

Едва сообщение ушло, как экран вспыхнул от входящего голосового вызова.

— Уже спишь? — Голос Ли Вэньсю звучал еще более мягко и обволакивающе, чем обычно, словно он уже лежал в постели. — Я не помешал?

— Все в порядке, — ответил Синьцзянь. Уши его вспыхнули пунцовым. Он только-только закончил сушить волосы феном. — Как раз собирался ложиться.

— Поговоришь со мной немного? — тихо, с приглушенными интонациями попросил Вэньсю.

Синьцзянь замешкался:

— О чем ты хочешь поговорить?

— О твоём подарке на мой день рождения, — отозвался Ли Вэньсю. — Так ты не пришел на ужин, потому что доделывал для меня альбом?

Синьцзянь ощутил неловкое смущение, но послушно признался:

— Да. Оставалось совсем чуть-чуть дострочить... то есть закончить оформление.

— И сколько ты с ним провозился?

— Пару дней, — сдержанно ушел от подробностей юноша.

— А снимки — все твоя работа?

— Нет, что ты! — перепугался Синьцзянь, боясь, как бы тот не принял его за одержимого папарацци. — В основном это кадры, нарезка из видео, которые я снимал. Ты ведь отказался от часов, а я заметил, как тебе понравились снимки режиссёра Ло... Вот и подумал сделать альбом. Если тебе не по душе...

— Я вовсе тебя не упрекаю, — перебил его Ли Вэньсю.

— О... — Синьцзянь спохватился, что его реакция выработала слишком много лишнего шума, и сбавил тон. Помявшись, он тихо и застенчиво выдавил: — А тебе... тебе понравилось?

Казалось, актер только и ждал этого вопроса.

— Очень, — без колебаний произнес он. Через динамик вырвался тихий, бархатный смешок, от которого сердце Синьцяня пропустило судорожный удар. — Это самый драгоценный подарок из всех, что я когда-либо получал.

Под одеялом грудь Синьцяня заходила ходуном. Внезапный восторг подхватил его, подарив невесомое ощущение, будто он плавает на мягких облаках.

Эта похвала зарядила Синьцяня невиданным доселе энтузиазмом. К концу съемочного процесса его сцен осталось не так много, но юноша загорелся идеей: он не выпускал из рук камеру, с упоением фиксируя рабочие моменты на площадке.

— Учитель Се работает с таким рвением, — посмеивалась Чэн Лисюэ, — уж не собирается ли сменить профессию и податься в режиссёры?

— А я могу? — искренне удивился Синьцянь.

— Все мы когда-то начинали с нуля, — подмигнула актриса.

Раньше он и не помышлял о режиссерско-операторском таланте, но слова Ли Вэньсю окрылили его, придав уверенности.

На следующий же день Ли Вэньсю пришел к нему с этим самым альбомом и предложил пересмотреть его вместе, не скупясь на комплименты к каждой фотографии:

— Какая отличная композиция! Чувствуется глубина, объём, передний и задний планы прекрасно сбалансированы.

— А здесь изумительная цветовая гамма — свежая, чистая, прямо-таки дышит летом.

— Превосходный пейзаж.

— А тут портрет выше всех похвал.

— Очень атмосферный кадр.

Поначалу Синьцянь сиял от гордости, но хвалебный поток не иссякал. Ли Вэньсю умудрился похвалить даже подписи к снимкам! Под конец юноше стало донельзя неловко. Альбом был толстым, и некоторые кадры он вклеил исключительно «для количества».

Когда актер перевернул очередную страницу, Синьцянь смущенно накрыл ладонью снимок:

— Вот эта... не очень получилась.

Но Вэньсю мягко отвел его руку и с непоколебимой серьезностью заявил:

— А по-моему, она невероятно хороша.

— А? — обомлел Синьцянь.

Юноша опустил взгляд на фотографию и засомневался в собственной адекватности. Кадр был откровенно проходным: Ли Вэньсю, идущий по старой улочке. Композиция хромала, фон загроможден. Единственный плюс — сам Ли Вэньсю выглядел чертовски привлекательно. Но это заслуга натуры, а не фотографа!

В среде фотографов недаром шутят про три главных правила портретной съемки: модель, модель и еще раз модель. С такой внешностью Ли Вэньсю смотрелся бы неотразимо даже на снимке с дешевого смартфона.

— Правда не удалась... Давай вытащим? — Горя от стыда, Синьцянь попытался выдернуть карточку, но Вэньсю перехватил его запястья. Взор мужчины был абсолютно серьезен:

— Это моя самая любимая.

— Чего? — Синьцянь окончательно встал в тупик.

А Вэньсю увлеченно продолжал:

— Разве ты не чувствуешь экспрессию? Этот внутренний драматизм?

Синьцянь взглянул еще раз и честно качнул головой:

— Если честно... не особо.

— Взгляни: объект смещен к краю, линии заднего плана асимметричны, — с деловитым видом пояснил Вэньсю. — Для дилетанта это нарушает классические каноны, но именно эта диспропорция создает максимальное визуальное напряжение! Снимок мгновенно приковывает взгляд и пробуждает сильнейший эмоциональный отклик!

Послушав его, Синьцянь вгляделся в фото под другим углом и пробормотал себе под нос:

— Неужели я и впрямь настолько талантлив?

— Безусловно, — кивнул Вэньсю. — У тебя редкий дар.

Для человека, держащего камеру всего три месяца, получить столь высокую оценку было невероятно приятно. Синьцзянь затаил дыхание от гордости.

Насладившись эффектом, Ли Вэньсю небрежно заметил:

— К слову, в конце альбома осталось ещё много пустых страниц.

— Угу, я решил продолжить съемки! — с готовностью подхватил юноша.

— Так, может, заполнишь их? — аккуратно подвел его к мысли актер.

— Хм, а это будет удобно? — замялся Синьцзянь.

— Почему нет?

— Это ведь твой личный альбом. Было бы странно помещать туда снимки других людей.

— Зачем же других? — не понял Вэньсю. — Ты разве не меня собираешься снимать?

— Вовсе нет, — беззаботно отмахнулся Синьцзянь.

Ли Вэньсю: «...»

— Ты слишком красив! На твоём фоне не понятен мой настоящий уровень, — воодушевленно заявил Синьцзянь. — Теперь я буду снимать обычных людей. Только научившись красиво снимать простых прохожих, я постигну истинную суть портрета!

Ли Вэньсю: «...»

Замечательно. Все хвalebные тирады пошли прахом.

Вэньсю остался ни с чем, зато Синьцзянь, уколотый дозой вдохновения, одолжил профессиональную камеру и после съемок неустанно бродил по острову, щелкая все подряд. На площадке он теперь проводил больше времени с операторами и режиссёром Ло Юаньцзе, чем беседовал с самим Ли Вэньсю.

Вэньсю с трудом подавлял досаду. Но сам же подтолкнул парня к этому увлечению, так что гасить чужой порыв было бы нечестно.

— Если хочешь стать режиссёром — ради бога. Доснимем проект, а там решишь, стоит ли учиться.

Глаза Синьцяня вспыхнули.

— А пока, — Вэньсю мягко забрал у него из рук камеру, — не пора ли нам повторить следующую сцену?

Синьцянь опомнился, понимая, что слегка увлекся. Смущенно отложив технику, он спросил:

— Хорошо. А что у нас дальше?

— Постельная сцена, — не дрогнув мускулом, ответил Вэньсю.

Синьцянь: «...»

На осознание ушло несколько секунд, после чего юноша усомнился:

— По-моему, нет...

Он четко помнил, что на сегодня назначены съёмки в море. Они уже стояли на побережье — какая еще постельная сцена на пляже?! Не слишком ли это откровенно?

— Раз всё помнишь, зачем спрашиваешь? — Уголки губ актера тронула лукавая усмешка.

Синьцянь понял, что его попросту разыграли. Поначалу Ли Вэньсю казался ему недостижимо холодным, но чем ближе они становились, тем отчетливее проявлялась его ребяческая, подразывающая натура.

— Я просто так спросил, — буркнул Синьцянь, теряя желание продолжать разговор.

Вэньсю сменил тон на более серьезный:

— Ладно, не постельная. Но предваряющая её.

Прелюдия?

Синьцянь вспыхнул и отчаянно затряс головой, выбивая из дурных мыслей пошлую муть.

Хотя, если подумать, Вэньсю не соврал. По сюжету фильм «Долгое лето» подходил к кульминации, и чувства героев накалились до предела. После ночного купания в море следующей по сценарию как раз шла интимная сцена в спальне.

Так что море действительно выступало своеобразной прелюдией.

А чтобы подчеркнуть чувственность и сексуальное напряжение, режиссёр Ло Юаньцзе решил устроить персонажам ночное купание обнаженными.

Разумеется, никакой порнографии: оператор снимал со значительного расстояния, а в сумерках виднелись лишь силуэты. Эстетика преобладала над откровенностью.

Синьцянь отплыл довольно далеко. Солнце еще не окончательно село, и прогретая за день вода напоминала гигантскую купель.

Однако во время очередного гребка бедро прожгла острая, режущая боль. Синьцянь ёкнул — предчувствие было дурным. Он попытался отмахнуться, но промахнулся, а жгучий яд мгновенно распространился выше, вглубь — прямо к паху.

Удар пришелся по самому чувствительному месту. Синьцянь застыл от шока, потерял ритм и глотнул горькой, соленой воды.

Прежде чем он успел уйти под воду, чья-то мощная рука подхватила его за талию.

— Что случилось?! — Подумав, что тот тонет, Вэньсю мгновенно вытащил его голову над поверхностью. На его обычно спокойном лице застыл испуг.

— Нога... — Синьцянь закашлялся, выплевывая воду, и едва выдавил: — Отплыви... Не дай медузе ужалить и тебя...

Вэньсю опустил взгляд в прозрачную воду и обомлел: прямо между бедер Синьцяня присосалась медуза.

— Терпи, — сжав зубы, Вэньсю погрузил руку и резким движением сорвал тварь.

Ощущение было настолько диким, что Синьцянь до крови прикусил губу, лишь бы не заорать на всё побережье.

Суматоха не укрылась от съемочной группы. Ло Юаньцзе отправил людей узнать, что

произошло.

— Синьцяня ужалила медуза, — коротко бросил Вэньсю.

Юноша и сам не ожидал такой напасти. Перед съёмками они специально консультировались с местными жителями и выбрали акваторию, где медуз быть не должно. И надо же было так вляпаться!

Съемки пришлось сворачивать. Актерам принесли сухую одежду, а дежурный врач тут же промыл и продезинфицировал ожог, прописав обезболивающие, противовоспалительные таблетки и мазь.

Вот только локация травмы оказалась слишком деликатной, и Синьцянь категорически застеснялся.

— Сам справишься? — Врач перевел взгляд на стоящего рядом Ли Вэньсю и протянул тюбик ему.

Актер без лишних слов протянул руку, но Синьцянь, кутаясь в банное полотенце, пересилил боль и забрал лекарство:

— Я сам. Дойду до номера и всё намажу.

Вэньсю помедлил, но спорить не стал:

— Если возникнут сложности — сразу скажи.

Синьцянь кивнул, хотя про себя решил: да ни за что в жизни! Чтобы он о подобном попросил Ли Вэньсю?! Какая бы ни была неловкость, он ни за что не станет напрягать других такими вещами.

Вернувшись к себе, Синьцянь попросил Чжоу Мина раздобыть у гримеров небольшое зеркальце и в невероятно изощренной, нелепой позе кое-как обработал рану.

Нанести мазь — полбеды. Настоящей мукой стала одежда.

Место поражения оказалось настолько неудачным, что любое прикосновение ткани вызывало дикую боль. Натянешь штаны повыше — задевает ожог. Спустишь ниже — сползают с ягодич.

О брюках не могло быть и речи, но, как выяснилось, даже нижнее белье приносило адские мучения. Единственным спасением было не надевать вообще ничего.

Узнав о происшествии, Ло Юаньцзе дал Синьцяню пару дней отгула на реабилитацию.

Юноша безвылазно сидел в номере. Пока никого не было, он ходил в одной лишь удлиненной футболке. Пока сидишь или лежишь без движений — терпимо. Но стоило кому-то зайти... Начать с того, что парень в одной футболке на босу ногу выглядит крайне странно. К тому же футболки были недостаточно длинными: малейшее неосторожное движение — и наружу выставлялось то, чему полагалось быть скрытым.

Но худшее наступало, когда нужно было сесть: голая кожа соприкасалась с шершавой обивкой дивана, и трение дарило непередаваемый «букет» ощущений.

Когда Чжоу Мин пришел навестить его и убраться, Синьцянь просто повязал вокруг талии рубашку на манер юбки.

Но долго так продолжаться не могло. Не ходить же вечно в таком диком виде!

Видя, как мучается подопечный, Чжоу Мин предложил:

— Слушай, может, мне сходить к учителю Ли и попросить пару его футболок?

— Его футболок?! — Синьцянь округлил глаза, не веря ушам. — Что за бредовая идея?

— А что такого? — искренне удивился ассистент. — Учитель Ли самый высокий в нашей группе. Твои футболки тебе коротки, а его сидят идеально, закрывая все что надо.

Синьцянь мгновенно вспыхнул до корней волос и отрезал:

— И как я, по-твоему, буду выглядеть, разгуливая без штанов в ЕГО футболке?!

Чжоу Мин замялся. Представив эту картину, он тоже почувствовал некоторую пикантность ситуации и пошел на попятную:

— Ладно-ладно... А если я просто сгоняю в магазин и куплю тебе оверсайз-футболки большого размера?

Идея была здоровой, но Синьцянь уже не мог развидеть образ «голые ноги под чужой футболкой». Теперь концепция хождения без штанов в футболка вызвала у него непреодолимый психосоматический дискомфорт.

— Нет, — буркнул он. — Лучше уж я надену обычные штаны.

Каково это — натягивать брюки на пылающий ожог в паху, Чжоу Мин прекрасно понимал. Ему стало искренне жаль парня: надо же было так не повезти!

Немного подумав, ассистент выдал:

— Слушай... а может, попробуешь юбку?

— Юбку?! — Синьцзянь нахмурился.

— Ну да! Мне в детстве когда операцию делали, я тоже штаны носить не мог — ходил в юбке сестры! — Чжоу Мин вдохновился собственной гениальностью и зачастил: — И вообще, ты в курсе, что чисто анатомически мужчинам юбки даже полезнее? Ничего не переживает, вентиляция отличная!

Синьцзянь: «...»

— Я серьезно! Это научный факт! — Видя недоверие на лице актера, Чжоу Мин ткнул пальцем в экран телефона. — В тропиках полно мужчин в традиционных юбках: в Мьянме, на Филиппинах, в Индии... Прохладно, не трет. В юбке у тебя все заживет в два раза быстрее!

Звучало... разумно?

Синьцзянь смутился, но, взвесив все «за» и «против», смущенно кивнул. Когда Чжоу Мин направился к двери, парень нервно крикнул вслед:

— Только аккуратно! Чтобы никто не видел!

— Понял!

— И даже если кто-то заметит, не говори, что это для меня! Скажи... — Синьцзянь запнулся и строго добавил: — Скажи, что покупаешь для своей девушки!

Чжоу Мин заверил, что всё сделает в лучшем виде, и через полчаса вернулся с пакетом, где лежали две юбки.

Синьцзянь закрылся в спальне. Первые минуты стыд сжигал его изнутри, но стоит было надеть вещь... и он понял, что снимать ее больше не хочет.

Белый длинный сарафан из хлопка и льна был свободным, дышащим; при ходьбе ткань колыхалась от малейшего движения воздуха, словно собирая прохладный ветерок.

Черный шелковый сарафан на тонких лямках приятно холодил кожу, струясь, точно прохладная вода.

Отбросив ложную стыдливость, Синьцзянь всей душой влюбился в ощущение свободы. В конце концов, наружу он выходить не собирался, а значит, осуждающих взглядов можно было не опасаться.

Вот только если ты не идешь к людям, люди сами могут прийти к тебе.

На второй день после травмы, ближе к вечеру, в дверь его номера постучали. На пороге стоял Ли Вэньсю с большим контейнером свежеприготовленных морепродуктов.

Обычно Синьцзянь открывал сразу, но на этот раз за дверью раздался панический шорох и голос юноши, попросивший подождать пару минут, пока он переоденется.

Переодеться среди бела дня?

Вэньсю удивленно вскинул бровь, но расспрашивать не стал.

Спустя минуты три дверь наконец распахнулась. Синьцзянь выглядел взволнованным:

— Ты... почему ты здесь?

— Принес тебе ужин, — Вэньсю показал пакеты с едой. — Как твой ожог? Заживает?

— Уже лучше. — Синьцзянь протянул руку за пакетом, но актер не отдал, а сам прошел к столику и аккуратно поставил контейнеры.

Заметив неловкость юноши, Вэньсю мягко добавил:

— Эти дни мы снимаем сцены с второстепенными персонажами, так что не переживай за график.

Синьцзянь кивнул.

Тем временем Вэньсю натянул одноразовые перчатки, намереваясь очистить для него кровать.

Полагая, что они будут ужинать вместе, Синьцзянь увидел, как актер застыл перед диваном, и поинтересовался:

— Что ты не садишься?

И тут он увидел, как Ли Вэньсю медленно наклоняется и берет с дивана ком черной ткани.

Синьцянь даже не успел сообразить, что происходит, пока актер не развернул этот комок...

В его руках расправилось черное шелковое платье-комбинация на тонких бретельках.

Синьцянь:???

Синьцянь:!!!

Ли Вэньсю перевел взгляд с платья на застывшего юношу. Выражение его лица стало непередаваемо сложным.

— Это не то, что ты подумал! — Синьцянь готов был провалиться сквозь землю от ужаса. — Я все объясню!

Но Вэньсю лишь молча смотрел на него. В глубине его глаз плескалась гамма эмоций, которых Синьцянь прежде никогда в нем не видел.

Спустя десяток мучительных секунд актер отложил платье в сторону и произнес совершенно ровным голосом, в котором, однако, явственно проступали горькие, ревнивые нотки:

— Так ты... все-таки с кем-то встречаешься?

<http://bllate.org/book/19727/1985783>